

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М78

Мопассан, Ги де.
М78 Милый друг = Bel-Ami / Ги де Мопассан ; [пер. с фр. А. Н. Чеботаревской] ; иллюстрации Фердинанда Бака. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 416 с. : ил. – (Bilingua подарочная: иллюстрированная книга на языке оригинала с переводом).

ISBN 978-5-17-161148-4

«Милый друг! Лорина вас удачно окрестила. Это будет вашим прозвищем. Я вас тоже буду звать нашим Милым другом!»

Милый друг был беден и зауряден. Милый друг никогда не шел на сделку с совестью, потому что совести у него не было, жаждал успеха, славы и богатства, но, увы, был абсолютно бездарен. Из серой массы таких же амбициозных пустышек милого друга отличало только одно: он умел нравиться женщинам.

И этого оказалось достаточно, чтобы сделать головокружительную карьеру.

«Милый друг» — один из самых известных романов Ги де Мопассана. В настоящем издании оригинальный текст произведения приводится с параллельным переводом Анастасии Николаевны Чеботаревской и сопровождается выразительными литографиями иллюстратора Фердинанда Бака.

Для удобства чтения каждая строка на русском языке стоит напротив соответствующей строки на французском. Параллельно расположенный текст позволит без труда сравнивать оригинал с переводом, обращать внимание на трудности, с которыми сталкивалась переводчица, и отмечать наиболее точно переведенные фрагменты.

Твердый переплет с золотым тиснением, изящно украшенный текст, белая бумага, иллюстрации, золотистая лента ляссе добавляют книге изысканность. Ее можно приобрести не только для своей коллекции, но и в качестве подарка дорогим и близким людям.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

*Литературно-художественное издание
Для широкого круга читателей*

Bilingua подарочная: иллюстрированная книга на языке оригинала с переводом

Мопассан Ги де Милый друг = Bel-Ami

Заведующий редакцией *К. Игнатъев*
Ответственный редактор *О. Голубцова*
Дизайн обложки *В. Давлетбаевой*
Технический редактор *Н. Чернышева*
Компьютерная верстка *О. Недосекиной*

Подписано в печать 19.02.2024. Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 33,8.

Печать офсетная. Гарнитура Petersburg. Бумага офсетная.

Тираж экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2024 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва,
Звездный бульвар, д. 21, стр. 1,
комн. 705, пом. I, этаж 7

Наш сайт: www.ast.ru, e-mail: ask@ast.ru
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры печатные

Ищите новинки редакции *Lingua* здесь:

<http://vk.cc/4kc53L>

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гулзар, д. 21,
1 кұрылым, 705 бөлме, пом. I, 7-қабағ
Біздің электрондық мекенжаймыз : www.ast.ru
E-mail: ask@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан и Представитель по
приему претензий в Республике Казахстан —
ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан
Республикасында наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл —
«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш.,
3«а», Б литері офис 1.

Тел.: 8 (727) 251 59 90, 91, факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2024
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

ISBN 978-5-17-161148-4

© ООО «Издательство АСТ», 2024

PREMIÈRE PARTIE

Quand la caissière lui eut rendu la monnaie de sa pièce de cent sous, Georges Duroy sortit du restaurant.

Comme il portait beau, par nature et par pose d'ancien sous-officier, il cambra sa taille, frisa sa moustache d'un geste militaire et familier, et jeta sur les dîneurs attendus un regard rapide et circulaire, un de ces regards de joli garçon, qui s'étendent comme des coups d'épervier.

Les femmes avaient levé la tête vers lui, trois petites ouvrières, une maîtresse de musique entre deux âges, mal peignée, négligée, coiffée d'un chapeau toujours poussiéreux et vêtue d'une robe toujours de travers, et deux bourgeoises avec leurs maris, habituées de cette gargote à prix fixe.

Lorsqu'il fut sur le trottoir, il demeura un instant immobile, se demandant ce qu'il allait faire. On était au 28 juin, et il lui restait juste en poche trois francs quarante pour finir le mois. Cela représentait deux dîners sans déjeuners, ou deux déjeuners sans dîners, au choix. Il réfléchit que les repas du matin étant de vingt-deux sous, au lieu de trente que coûtaient ceux du soir, il lui resterait, en se contentant des déjeuners, un franc vingt centimes de boni, ce qui représentait encore deux collations au pain et au saucisson, plus deux bocks sur le boulevard. C'était là sa grande dépense et son grand plaisir des nuits ; et il se mit à descendre la rue Notre-Dame-de-Lorette.

Il marchait ainsi qu'au temps où il portait l'uniforme des hussards, la poitrine

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Взяв от кассирши сдачу с пяти франков, Жорж Дюруа вышел из ресторана.

Хорошо сложенный, еще сохранивший военную выправку, он выпрямился, закрутил усы молодцеватым, свободным движением и обвел запоздалых посетителей быстрым и зорким взглядом красивого малого, похожим на взгляд ястреба, высматривающего свою добычу.

Женщины подняли на него глаза, — три работницы, учительница музыки среднего возраста, плохо причесанная, небрежно одетая, всегда в запыленной шляпе и сбившемся набок платье, и две буржуазки со своими мужьями, обычные посетители этого трактирчика с prix fixe.

Очувтившись на тротуаре, он на секунду остановился, соображая, что ему предпринять. Сегодня 28 июня, и в кармане у него остается ровно три франка сорок до конца месяца. Это составляет стоимость двух обедов без завтрака или двух завтраков без обеда, на выбор. Он высчитал, что завтрак стоит франк десять, а обед — полтора франка; таким образом, довольствуясь завтраками, он сэкономит франк двадцать, что равняется двум ужинам из сосисок с хлебом с двумя бокалами пива на бульваре. Это любимое его вечернее развлечение составляло большой расход в его бюджете. И он начал спускаться по улице Нотр-Дам-де-Лорет.

Он сохранил еще походку тех времен, когда носил гусарскую фор-

bombée, les jambes un peu entr'ouvertes comme s'il venait de descendre de cheval ; et il avançait brutalement dans la rue pleine de monde, heurtant les épaules, poussant les gens pour ne point se déranger de sa route. Il inclinait légèrement sur l'oreille son chapeau à haute forme assez défraîchi, et battait le pavé de son talon. Il avait l'air de toujours défier quelqu'un, les passants, les maisons, la ville entière, par chic de beau soldat tombé dans le civil.

Quoique habillé d'un complet de soixante francs, il gardait une certaine élégance tapageuse, un peu commune, réelle cependant. Grand, bien fait, blond, d'un blond châtain vaguement roussi, avec une moustache retroussée, qui semblait mousser sur sa lèvre, des yeux bleus, clairs, troués d'une pupille toute petite, des cheveux frisés naturellement, séparés par une raie au milieu du crâne, il ressemblait bien au mauvais sujet des romans populaires.

C'était une de ces soirées d'été où l'air manque dans Paris. La ville, chaude comme une étuve, paraissait suer dans la nuit étouffante. Les égouts soufflaient par leurs bouches de granit leurs haleines empestées, et les cuisines souterraines jetaient à la rue, par leurs fenêtres basses, les miasmes infâmes des eaux de vaisselle et des vieilles sauces.

Les concierges, en manches de chemise, à cheval sur des chaises en paille, fumaient la pipe sous des portes cochères, et les passants allaient d'un pas accablé, le front nu, le chapeau à la main.

Quand Georges Duroy parvint au boulevard, il s'arrêta encore, indécis sur ce qu'il allait faire. Il avait envie maintenant de gagner les Champs-Élysées et l'avenue du bois de Boulogne pour trouver un peu d'air frais sous les arbres ; mais un désir

му, — выпяченную грудь, слегка расставленные ноги, точно он только что слез с лошади; резко двигался в толпе людей, задевая плечами, толкая встречных, расчищая себе таким образом путь. Слегка надвинул на ухо свой поношенный котелок и, постукивая каблуками о мостовую, шел с таким видом, точно презирал все — прохожих, дома, весь город, с высокомерием «душки-военного», попавшего в штатские.

Несмотря на свой шестидесятифранковый костюм, он сохранял известную внешнюю элегантность, хотя и несколько шаблонную. Высокий, хорошо сложенный, белокурый, со слегка рыжеватым оттенком волос, пышными усами, вздымающимися над верхней губой, ясно-голубыми глазами, прорезанными маленькими зрачками, вьющимися волосами, разделенными на пробор посередине, он олицетворял собою героя бульварного романа.

Стоял жаркий летний вечер, один из удушливых парижских вечеров, когда так чувствуется недостаток воздуха в городе. От зданий, нагретых как баня, казалось, подымались испарения в удушливый мрак ночи. Из гранитных пастей сточных труб вырывалось их отравленное дыхание, а из окон подвальных кухонь неся на улицу омерзительный запах перегорелого соуса и помоев.

Привратники в одних жилетах, верхом на соломенных стульях, покуривали трубки у ворот домов; прохожие шли словно в изнеможении с непокрытыми головами, держа шляпы в руках.

Дойдя до бульвара, Жорж Дюроу снова остановился, колеблясь над выбором дальнейшего пути. Ему захотелось дойти до Елисейских Полей и авеню Булонского леса, чтобы глотнуть немного свежего воздуха вблизи зелени; одновременно с этим в нем

aussi le travaillait, celui d'une rencontre amoureuse.

Comment se présenterait-elle? Il n'en savait rien, mais il l'attendait depuis trois mois, tous les jours, tous les soirs. Quelquefois cependant, grâce à sa belle mine et à sa tournure galante, il volait, par-ci, par-là, un peu d'amour, mais il espérait toujours plus et mieux.

La poche vide et le sang bouillant, il s'allumait au contact des rôdeuses qui murmurent à l'angle des rues: «Venez-vous chez moi, joli garçon?» mais il n'osait les suivre ne les pouvant payer; et il attendait aussi autre chose, d'autres baisers moins vulgaires.

Il aimait cependant les lieux où grouillent les filles publiques, leurs bals, leurs cafés, leurs rues; il aimait les couvoyer, leur parler, les tutoyer, flairer leurs parfums violents, se sentir près d'elles. C'étaient des femmes enfin, des femmes d'amour. Il ne les méprisait point du mépris inné des hommes de famille.

Il tourna vers la Madeleine et suivit le flot de foule qui coulait accablée par la chaleur. Les grands cafés, pleins de monde, débordaient sur le trottoir, étalant leur public de buveurs sous la lumière éclatante et crue de leur devanture illuminée. Devant eux, sur de petites tables carrées ou rondes, les verres contenaient des liquides rouges, jaunes, verts, bruns, de toutes les nuances; et dans l'intérieur des carafes on voyait briller les gros cylindres transparents de glace qui refroidissaient la belle eau claire.

Duroy avait ralenti sa marche, et l'envie de boire lui séchait la gorge.

Une soif chaude, une soif de soir d'été le tenait, et il pensait à la sensation délicieuse des boissons

шевелилось желание, ожидание любовной встречи.

Как это произойдет? Он не знал этого, но ожидал в течение трех месяцев каждый день и каждый вечер. Случалось, что и теперь ему перепадали крохи любви благодаря смазливой внешности и галантности обращения, но он уповал на большее и лучшее.

С пустым карманом и кипящей кровью он загорался от каждого прикосновения «профессионалок», шептавших ему на углях: «Пойдешь со мной, мальчишечка?», но не смел идти за ними, не имея чем заплатить; смутно надеялся и ожидал чего-то иного, иных ласк, менее вульгарных.

Он любил посещать места, кишящие публичными женщинами, — их балы, их кафе, их улицы; любил толкаться среди них, болтать с ними на ты, вдыхать их яростные благоволия, чувствовать себя окруженным ими. Все же это были женщины, женщины, которых можно любить. Он не чувствовал к ним никакого презрения, свойственного семейным мужчинам.

Он повернул по направлению к Мадлен и пошел по течению толпы, изнемогавшей от жары. Большие кафе, переполненные посетителями, захватывали часть тротуара, выставляя пьющую публику под ослепительный, режущий свет иллюминированного фасада. Перед ними, на круглых или четырехугольных столиках, стояли стаканы, наполненные красными, желтыми, зелеными, коричневыми — всех оттенков — напитками; внутри графинов виднелись прозрачные глыбы льда, охлаждавшие прекрасную кристальную воду.

Дюруа замедлил шаг, мучимый жаждой, от которой у него пересохло в горле.

Ощущение знойной жажды, жажды летнего вечера терзало его, и он живо представил себе восхитительный вкус

froides coulant dans la bouche. Mais s'il buvait seulement deux bocks dans la soirée, adieu le maigre souper du lendemain, et il les connaissait trop, les heures affamées de la fin du mois.

Il se dit: «Il faut que je gagne dix heures et je prendrai mon bock à l'Américain. Nom d'un chien! que j'ai soif tout de même!» Et il regardait tous ces hommes attablés et buvant, tous ces hommes qui pouvaient se désaltérer tant qu'il leur plaisait. Il allait, passant devant les cafés d'un air crâne et gaillard, et il jugeait d'un coup d'œil, à la mine, à l'habit, ce que chaque consommateur devait porter d'argent sur lui. Et une colère l'envahissait contre ces gens assis et tranquilles. En fouillant leurs poches, on trouverait de l'or, de la monnaie blanche et des sous. En moyenne chacun devait avoir au moins deux louis; ils étaient bien une centaine par café; cent fois deux louis font quatre mille francs! Il murmurait: «Les cochons!» tout en se dandinant avec grâce. S'il avait pu en tenir un au coin d'une rue, dans l'ombre bien noire, il lui aurait tordu le cou, ma foi, sans scrupule, comme il faisait aux volailles des paysans, aux jours de grandes manœuvres.

Et il se rappelait ses deux années d'Afrique, la façon dont il rançonnait les Arabes dans les petits postes du Sud. Et un sourire cruel et gai passa sur ses lèvres au souvenir d'une escapade qui avait coûté la vie à trois hommes de la tribu des Ouled-Alane et qui leur avait valu, à ses camarades et à lui, vingt poules, deux moutons et de l'or, et de quoi rire pendant six mois.

On n'avait jamais trouvé les coupables, qu'on n'avait guère cherchés

прохладительного, текущего по горлу. Но если он позволит себе два бокала в один вечер, тогда прощай тощий ужин завтрашнего дня; а ему слишком хорошо знакомы голодные часы последних дней месяца.

Он сказал себе: «Нужно дождаться десяти часов и тогда выпить бокал в „Америкэне“. Черт возьми! Как мне, однако, хочется пить!» — и посмотрел на всех этих господ, пьющих за столиками, всех этих мужчин, которые могли утолять свою жажду сколько им угодно. И пошел мимо этих кафе, приняв наглый, вызывающий вид, стараясь определить по одному взгляду, по выражению лица, по одежде, сколько у каждого посетителя было с собой денег. Глухое раздражение поднялось в нем против всех этих мирно заседающих господ. В их карманах, если поискать, найдутся, конечно, и золотые, и серебряные, и медные монеты. В среднем у каждого должно быть не меньше двух луидоров; всех около сотни в кафе; сто раз по два луидора — составит четыре тысячи франков! Пробормотал: «Свиньи!», покачиваясь не без грации. Если бы он мог поймать одного из них за углом улицы в темноте, он бы свернул ему шею, — ей-богу, без зазрения совести, как он это делал с живностью в деревнях... в дни больших маневров.

Ему вспомнились два года, проведенные в Африке... как он надувал арабов во время стоянок на юге. Жесткая, злая усмешка пробежала у него по губам при воспоминании об одной проделке, стоившей жизни трем человекам из племени улет-авана, доставившей ему и его товарищам двадцать кур, двух баранов, золото и над чем посмеяться в продолжение шести месяцев.

Никогда бы не нашли виновных, которых, впрочем, и не искали, так

d'ailleurs, l'Arabe étant un peu considéré comme la proie naturelle du soldat.

À Paris, c'était autre chose. On ne pouvait pas marauder gentiment, sabre au côté et revolver au poing, loin de la justice civile, en liberté. Il se sentait au cœur tous les instincts du sous-off lâché en pays conquis. Certes il les regrettait, ses deux années de désert. Quel dommage de n'être pas resté là-bas! Mais voilà, il avait espéré mieux en revenant. Et maintenant!... Ah oui, c'était du propre, maintenant!

Il faisait aller sa langue dans sa bouche, avec un petit claquement, comme pour constater la sécheresse de son palais.

La foule glissait autour de lui, exténuée et lente, et il pensait toujours: «Tas de brutes! tous ces imbéciles-là ont des sous dans le gilet». Il bousculait les gens de l'épaule, et sifflotait des airs joyeux. Des messieurs heurtés se retournaient en grognant; des femmes prononçaient: «En voilà un animal!»

Il passa devant le Vaudeville, et s'arrêta en face du Café Américain, se demandant s'il n'allait pas prendre son bock, tant la soif le torturait. Avant de se décider il regarda l'heure aux horloges lumineuses, au milieu de la chaussée. Il était neuf heures un quart. Il se connaissait: dès que le verre plein de bière serait devant lui, il l'avalerait. Que ferait-il ensuite jusqu'à onze heures?

Il passa: «J'irai jusqu'à la Madeleine, se dit-il, et je reviendrai tout doucement.»

Comme il arrivait au coin de la place de l'Opéra, il croisa un gros jeune homme, dont il se rappela vaguement avoir vu la tête quelque part.

Il se mit à le suivre en cherchant dans ses souvenirs, et répétant à mi-voix: «Où diable ai-je connu ce particulier-là?»

как арабы считались естественной добычей солдат.

В Париже — не то. Нельзя открыто грабить с саблей на боку и револьвером в руке, как там, вдали от гражданского правосудия, на свободе... И он почувствовал зашевелившиеся у него в душе инстинкты унтер-офицера, накинувшегося на покоренную страну. Конечно, теперь ему было жаль этих двух лет, проведенных в пустыне. Какая досада, что он там не остался! Да вот, понадеялся, возвращаясь, на лучшее. А теперь!.. Да, нечего сказать, теперь лучше!

Он провел языком по рту, слегка прищелкивая, точно для того, чтобы удостовериться в сухости нёба.

Толпа двигалась вокруг, изнеможенная и усталая. И он продолжал думать: «Куча скотов! У всех этих болванов в кармане жилета есть деньги». Толкал встречных плечом и насвистывал веселенькие арии. Мужчины, которых он толкал, оборачивались, ворча; женщины говорили: «Вот животное!»

Он обогнул театр Водевиль и остановился против кафе «Америкэн», спрашивая себя — не пора ли ему потребовать бокал, так его мучила жажда. Прежде чем решиться на это, он взглянул на часы с освещенным циферблатом посередине улицы. Было девять часов пятнадцать минут. Он знал себя: как только бокал с пивом поставят перед ним, он проглотит его моментально. И что тогда делать до одиннадцати часов?

Придумал: «Дойду до Мадлен и обратно, не спеша».

Дойдя до угла площади перед Оперой, Дюруа повстречался с полным молодым человеком, силуэт которого смутно показался ему знакомым.

Он пошел за ним, роясь в своей памяти и повторяя вполголоса:

— Где, черт побери, я видел этого субъекта?

Il fouillait dans sa pensée, sans parvenir à se le rappeler ; puis, tout d'un coup, par un singulier phénomène de mémoire, le même homme lui apparut moins gros, plus jeune, vêtu d'un uniforme de hussard. Il s'écria tout haut: «Tiens, Forestier!» et, allongeant le pas, il alla frapper sur l'épaule du marcheur. L'autre se retourna, le regarda, puis dit:

— Qu'est-ce que vous me voulez, monsieur?

Duroy se mit à rire:

— Tu ne me reconnais pas?

— Non.

— Georges Duroy du 6e hussards.

Forestier tendit les deux mains:

— Ah! mon vieux! comment vas-tu?

— Très bien, et toi?

— Oh! moi, pas trop ; figure-toi que j'ai une poitrine de papier mâché maintenant ; je tousse six mois sur douze, à la suite d'une bronchite que j'ai attrapée à Bougival, l'année de mon retour à Paris, voici quatre ans maintenant.

— Tiens! tu as l'air solide, pourtant.

Et Forestier, prenant le bras de son ancien camarade, lui parla de sa maladie, lui raconta les consultations, les opinions et les conseils des médecins, la difficulté de suivre leurs avis dans sa position. On lui ordonnait de passer l'hiver dans le Midi ; mais le pouvait-il? Il était marié et journaliste, dans une belle situation.

— Je dirige la politique à la Vie Française. Je fais le Sénat au Salut, et, de temps en temps, des chroniques littéraires pour la Planète. Voilà, j'ai fait mon chemin.

Duroy, surpris, le regardait. Il était bien changé, bien mûri. Il avait maintenant une allure, une tenue, un costume d'homme posé, sûr de lui, et un ventre d'homme qui dîne bien. Autrefois il était maigre, mince et souple, étourdi,

Тщетно рылся он в своих воспоминаниях; потом вдруг, по странному капризу памяти, этот самый человек представился ему моложе, худее, одетый в форму гусара. Вскрикнул громко:

— Да ведь это Форестье! — прибавил шагу и хлопнул проходящего по плечу.

Тот обернулся, посмотрел на него, потом сказал:

— Что вам от меня угодно, сударь?

Дюруа начал смеяться:

— Ты меня не узнаешь?

— Нет.

— Жорж Дюруа, Шестого гусарского.

Форестье протянул ему обе руки:

— А, дружище! Как поживаешь?

— Отлично, а ты?

— О! Я неважно; представь себе, мои легкие обратились в какую-то слякоть; я кашляю из двенадцати месяцев шесть, — последствие бронхита, который я схватил в Буживале, вернувшись в Париж, — вот уже теперь четыре года.

— Неужели! По твоему виду этого ни за что не скажешь.

И Форестье, взяв под руку своего бывшего товарища, принялся рассказывать ему о своей болезни, о консультациях и советах докторов, о невозможности следовать их предписаниям в его положении. Ему предписано провести зиму на юге; но как это выполнить? Он женат, журналист, занимает отличное положение...

— Я заведу отделом политики во «Французской жизни», веду сенатские отчеты в «Спасении» и от времени до времени даю литературную хронику в «Планету». Да, я выбрался на дорогу.

Дюруа, удивленный, посмотрел на него. Он очень изменился, возмужал. Теперь у него — походка, осанка, костюм человека солидного, уверенного в себе; брюшко, как у людей, плотно обедающих. Прежде он был худым,

casseur d'assiettes, tapageur et toujours en train. En trois ans Paris en avait fait quelqu'un de tout autre, de gros et sérieux, avec quelques cheveux blancs sur les tempes, bien qu'il n'eût pas plus de vingt-sept ans.

Forestier demanda:

— Où vas-tu?

Duroy répondit:

— Nulle part, je fais un tour avant de rentrer.

— Eh bien, veux-tu m'accompagner à la Vie Française, où j'ai des épreuves à corriger ; puis nous irons prendre un bock ensemble?

— Je te suis.

Et ils se mirent à marcher en se tenant par le bras, avec cette familiarité facile qui subsiste entre compagnons d'école et entre camarades de régiment.

— Qu'est-ce que tu fais à Paris? dit Forestier.

Duroy haussa les épaules:

— Je crève de faim, tout simplement. Une fois mon temps fini, j'ai voulu venir ici pour... pour faire fortune ou plutôt pour vivre à Paris ; et voilà six mois que je suis employé aux bureaux du chemin de fer du Nord, à quinze cents francs par an, rien de plus.

————— ♡ —————

Forestier murmura:

— Bigre, ça n'est pas gras.

— Je te crois. Mais comment veux-tu que je m'en tire? Je suis seul, je ne connais personne, je ne peux me recommander de personne. Ce n'est pas la bonne volonté qui me manque, mais les moyens.

Son camarade le regarda des pieds à la tête, en homme pratique, qui juge un sujet, puis il prononça d'un ton convaincu:

— Vois-tu, mon petit, tout dépend de l'aplomb, ici. Un homme un peu malin devient plus facilement ministre que chef de bureau. Il faut s'imposer et non pas demander. Mais comment diable

тщедушным, легкомысленным, спорщиком и весельчаком. Три года Парижа совершенно преобразили его; он потолстел, стал серьезным, на висках волосы начинают сесть, несмотря на его двадцать семь лет.

Форестье спросил:

— Куда ты идешь?

Дюруа ответил:

— Никуда, гуляю перед возвращением домой.

— Ну так не проводишь ли ты меня до редакции, мне нужно просмотреть гранки; а потом выпьем вместе по бокалу?

— Идет.

И они пошли, взявшись под руку, с той свободной непринужденностью, которая сохраняется у товарищей по школе и по полку.

— Что ты делаешь в Париже? — спросил Форестье.

Дюруа пожал плечами:

— Подыхаю с голоду просто-напросто. Покончив со службой, я захотел вернуться сюда... делать карьеру или, вернее, жить в Париже; и вот шесть месяцев служу в правлении Северных железных дорог, получая полторы тысячи франков в год и ничего больше.

Форестье пробормотал:

— Черт, это не очень жирно.

— Я думаю. Но как ты хочешь, чтобы я выбрался? Я одинок и ничего не знаю, не имею никакой протекции. Не хватает средств, но отнюдь не моей доброй воли.

Товарищ оглядел его с ног до головы взглядом опытного человека, взвешивающего положение, потом произнес убежденным тоном:

— Видишь ли, мой милый, здесь все зависит от апломба. Человеку ловкому легче сделаться министром, чем директором правления. Нужно уметь импонировать, а не просить. Но как тебя

n'as-tu pas trouvé mieux qu'une place d'employé au Nord?

Duroy reprit:

— J'ai cherché partout, et je n'ai rien découvert. Mais j'ai quelque chose en vue en ce moment, on m'offre d'entrer comme écuyer au manège Pellerin. Là, j'aurai, au bas mot, trois mille francs.

Forestier s'arrêta net:

— Ne fais pas ça, c'est stupide, quand tu devrais gagner dix mille francs. Tu te fermes l'avenir du coup. Dans ton bureau, au moins tu es caché, personne ne te connaît, tu peux en sortir si tu es fort, et faire ton chemin. Mais une fois écuyer, c'est fini. C'est comme si tu étais maître d'hôtel dans une maison où Tout-Paris va dîner. Quand tu auras donné des leçons d'équitation aux hommes du monde ou à leurs fils, ils ne pourront plus s'accoutumer à te considérer comme leur égal.

Il se tut, réfléchit quelques secondes, puis demanda:

— Es-tu bachelier?

— Non. J'ai échoué deux fois.

— Ça ne fait rien, du moment que tu as poussé tes études jusqu'au bout. Si on parle de Cicéron ou de Tibère, tu sais à peu près ce que c'est?

— Oui, à peu près.

— Bon, personne n'en sait davantage, à l'exception d'une vingtaine d'imbéciles qui ne sont pas fichus de se tirer d'affaire. Ça n'est pas difficile de passer pour fort, va ; le tout est de ne pas se faire pincer en flagrant délit d'ignorance. On manœuvre, on esquive la difficulté, on tourne l'obstacle, et on colle les autres au moyen d'un dictionnaire. Tous les hommes sont bêtes comme des oies et ignorants comme des carpes.

Il parlait en gaillard tranquille qui connaît la vie, et il souriait en regardant passer la foule. Mais tout d'un

угораздило не найти ничего лучшего, чем служба на железной?

Дюруа ответил:

— Я искал повсюду, но ничего не нашел. Сейчас у меня есть нечто в виду, — мне предлагают место наездника в манеже Пеллерен. Там, на худой конец, я буду иметь три тысячи франков.

Форестье прервал его:

— Не делай этой глупости, если бы даже тебе дали десять тысяч франков. Этим ты себе сразу отрежешь путь. В твоём правлении, по крайней мере, тебя никто не видит, ты можешь оттуда выбраться, если сумеешь, и еще сделать себе карьеру. Но раз сделавшись наездником — крышка. Это все равно, как если бы ты был метрдротелем в ресторане, где обедает весь Париж. Когда ты будешь давать уроки верховой езды светским людям или их сыновьям, они никогда уже не смогут относиться к тебе как к равному.

Он замолчал, подумал несколько секунд, потом спросил:

— У тебя диплом бакалавра?

— Нет, я срезался оба раза.

— Это ничего, если ты все-таки окончил курс. Когда говорят о Цицероне или о Тиверии, ты знаешь приблизительно, о ком идет речь?

— Да, приблизительно.

— Ладно, никто больше и не знает, за исключением каких-нибудь двадцати дураков, которые все равно далеко с этим не уйдут. Прослыть знающим совсем не трудно; все дело в том, чтобы не дать себя открыто уличить в невежестве. Нужно лавировать, избегать затруднительных положений, обходить препятствия, сажать других в лужу при посредстве энциклопедического словаря. Все люди глупы, как гуси, и невежественны, как рыбы.

Он говорил со спокойной насмешкой человека, знающего жизнь, и улыбался, глядя на проходящих. Но

coup il se mit à tousser, et s'arrêta pour laisser finir la quinte, puis, d'un ton découragé:

— Est-ce pas assommant de ne pouvoir se débarrasser de cette bronchite? Et nous sommes en plein été. Oh! cet hiver, j'irai me guérir à Menton. Tant pis, ma foi, la santé avant tout.

Ils arrivèrent au boulevard Poissonnière, devant une grande porte vitrée, derrière laquelle un journal ouvert était collé sur les deux faces. Trois personnes arrêtées le lisaient.

Au-dessus de la porte s'étalait, comme un appel, en grandes lettres de feu dessinées par des flammes de gaz: La Vie Française. Et les promeneurs passant brusquement dans la clarté que jetaient ces trois mots éclatants apparaissaient tout à coup en pleine lumière, visibles, clairs et nets comme au milieu du jour, puis rentraient aussitôt dans l'ombre.

Forestier poussa cette porte:

— Entre, dit-il.

Duroy entra, monta un escalier luxueux et sale que toute la rue voyait, parvint dans une antichambre, dont les deux garçons de bureau saluèrent son camarade, puis s'arrêta dans une sorte de salon d'attente, poussiéreux et fripé, tendu de faux velours d'un vert pisseux, criblé de taches et rongé par endroits, comme si des souris l'eussent grignoté.

— Assieds-toi, dit Forestier, je reviens dans cinq minutes.

Et il disparut par une des trois sorties qui donnaient dans ce cabinet.

Une odeur étrange, particulière, inexprimable, l'odeur des salles de rédaction, flottait dans ce lieu. Duroy demeurait immobile, un peu intimidé, surpris surtout. De temps en temps des hommes passaient devant lui, en courant, entrés par une porte et partis par l'autre avant qu'il eût le temps de les regarder.

вдруг он закашлялся и остановился, чтобы дать утихнуть кашлю, потом упавшим тоном сказал:

— Не возмутительно ли это — не иметь возможности отделаться от этого бронхита? И это в разгаре лета. О! Эту зиму я поеду лечиться в Ментону. Черт побери, ведь здоровье прежде всего.

Они дошли до бульвара Пуасоньер и остановились у большой стеклянной двери, на стеклах которой был приклеен развернутый номер газеты. Трое прохожих читали его, остановившись.

Над дверью выделялась, точно воззвание, вывеска большими огненными буквами: «Французская жизнь». Фигуры прохожих, вступавших в освещенную этими буквами полосу, вдруг появлялись яркие и четкие, точно при дневном свете, потом снова исчезали во мраке.

Форестье толкнул дверь.

— Входи, — сказал он.

Дюруа вошел, поднялся по роскошной и грязной лестнице, видной со всей улицы, очутился в передней, где два лакея поклонились его товарищу, потом остановился в комнате — вроде приемной, затрепанной и пропыленной, обтянутой мутно-зеленым репсом, запятнанным и местами словно изъеденным мышами.

— Присядь, — сказал Форестье, — я вернусь через пять минут. — И он исчез в одной из трех дверей, выходящих в эту комнату.

Какой-то особый запах, неуловимый и странный, запах редакционной залы, стоял в салоне. Дюруа не двигался, слегка смущенный, ошеломленный. От времени до времени мимо него пробегали из одной двери в другую люди с такой стремительностью, что он не успевал на них взглянуть.

C'étaient tantôt des jeunes gens, très jeunes, l'air affairé, et tenant à la main une feuille de papier qui palpait au vent de leur course ; tantôt des ouvriers compositeurs, dont la blouse de toile tachée d'encre laissait voir un col de chemise bien blanc et un pantalon de drap pareil à celui des gens du monde ; et ils portaient avec précaution des bandes de papier imprimé, des épreuves fraîches, tout humides. Quelquefois un petit monsieur entraît, vêtu avec une élégance trop apparente, la taille trop serrée dans la redingote, la jambe trop moulée sous l'étoffe, le pied étreint dans un soulier trop pointu, quelque reporter mondain apportant les échos de la soirée.

D'autres encore arrivaient, graves, importants, coiffés de hauts chapeaux à bords plats, comme si cette forme les eût distingués du reste des hommes.

Forestier reparut tenant par le bras un grand garçon maigre, de trente à quarante ans, en habit noir et en cravate blanche, très brun, la moustache roulée en pointes aiguës, et qui avait l'air insolent et content de lui.

Forestier lui dit:

— Adieu, cher maître.

L'autre lui serra la main:

— Au revoir, mon cher.

Et il descendit l'escalier en sifflotant, la canne sous le bras.

Duroy demanda:

— Qui est-ce?

— C'est Jacques Rival, tu sais, le fameux chroniqueur, le duelliste. Il vient de corriger ses épreuves. Garin, Montel et lui sont les trois premiers chroniqueurs d'esprit et d'actualité que nous ayons à Paris. Il gagne ici trente mille francs par an pour deux articles par semaine.

Et comme ils s'en allaient, ils rencontrèrent un petit homme à longs cheveux, gros, d'aspect malpropre, qui montrait les marches en soufflant.

Forestier salua très bas:

Это были или очень молодые люди, с занятым видом, с листками бумаги в руке, трепетавшими от их быстрого бега; или наборщики, у которых из-под полотняной блузы, перепачканной чернилами, виднелся чистый белый воротничок и суконные брюки, как у господ; они бережно несли кипы оттисков — свежие, еще сырые гранки. Несколько раз появлялись господа, щеголевато одетые — в слишком затянутых сюртуках и чересчур остроконечных ботинках, — вероятно, репортеры из светских кругов, доставлявшие вечернюю хронику. Приходили еще — важные, сосредоточенные, носившие высокие шляпы с плоскими полями, точно этот фасон отличал их от всех остальных людей.

Форестье появился под руку с высоким худым господином в возрасте от тридцати до сорока лет, одетым в черный фрак и белый галстук, очень смуглым, с закрученными устами, наглым и самодовольным видом.

Форестье сказал ему:

— До свиданья, дорогой учитель.

Тот пожал ему руку:

— До свиданья, мой милый, — и стал спускаться с лестницы, посвистывая, с тросточкой под мышкой.

Дюруа спросил:

— Кто это?

— Это Жак Риваль, — знаешь, известный хроникер, дуэлист: он просматривал здесь свои корректуры. Гарин, Монтель и он — три лучших хроникера в Париже. Он получает здесь тридцать тысяч франков в год за две статьи в неделю.

Уходя, они повстречались с маленьким человеком, длинноволосым и седым, неопрятного вида, подымавшимся по лестнице с одышкой.

Форестье низко поклонился:

— Norbert de Varenne, dit-il, le poète, l'auteur des Soleils morts, encore un homme dans les grands prix. Chaque conte qu'il nous donne coûte trois cents francs, et les plus longs n'ont pas deux cents lignes. Mais entrons au Napolitain, je commence à crever de soif.

Dès qu'ils furent assis devant la table du café, Forestier cria: «Deux bocks», et il avala le sien d'un seul trait, tandis que Duroy buvait la bière à lentes gorgées, la savourant et la dégustant, comme une chose précieuse et rare.

Son compagnon se taisait, semblait réfléchir, puis tout à coup:

— Pourquoi n'essayerais-tu pas du journalisme?

L'autre, surpris, le regarda ; puis il dit:

— Mais... c'est que... je n'ai jamais rien écrit.

— Bah! on essaye, on commence. Moi, je pourrais t'employer à aller me chercher des renseignements, à faire des démarches et des visites. Tu aurais, au début, deux cent cinquante francs et tes voitures payées. Veux-tu que j'en parle au directeur?

— Mais certainement que je veux bien.

— Alors, fais une chose, viens dîner chez moi demain ; j'ai cinq ou six personnes seulement, le patron, M. Walter, sa femme, Jacques Rival et Norbert de Varenne, que tu viens de voir, plus une amie de Mme Forestier. Est-ce entendu?

Duroy hésitait, rougissant, perplexe. Il murmura enfin:

— C'est que... je n'ai pas de tenue convenable.

Forestier fut stupéfait:

— Tu n'as pas d'habit? Bigre! en voilà une chose indispensable pour tant. À

— Норбер де Варен, — сказал он, — поэт, автор «Угасших светил», — человек в цене. Каждая новелла, которую он нам дает, оплачивается тремя сотнями франков, хотя в самой длинной никогда не бывает двухсот строк. Но войдем в «Наполитэн» — я подыхаю от жажды.

Усевшись за столиком кафе, Форестье скомандовал:

— Два бокала! — и проглотил свой одним глотком, между тем как Дюруа тянул пиво медленными глотками, наслаждаясь и смакуя его, точно редкий драгоценный напиток.

Его сотоварищ помолчал, точно размышляя о чем-то, потом вдруг сказал:

— Почему бы тебе не попробовать свои силы в журналистике?

Тот посмотрел на него в удивлении, потом сказал:

— Но... потому... что я никогда ничего не писал.

— Ба! Все пробуют, начинают. Я бы мог устроить тебя на репортаж, собирать для меня сведения, делать визиты, исполнять поручения... Для начала ты будешь иметь двести пятьдесят франков и оплаченные разъезды. Хочешь, чтобы я о тебе поговорил с патроном?

— Разумеется, хочу.

— В таком случае вот что — приходи ко мне завтра обедать; у меня соберутся всего пять-шесть человек — патрон, господин Вальтер с женой, Жак Риваль, Норбер де Варен, которого ты сейчас видел, и еще одна подруга моей жены. Идет?

Дюруа медлил с ответом, покрасневший и смущенный. Наконец пробормotal:

— Дело в том... что у меня нет подходящего костюма...

Форестье изумился:

— У тебя нет фрака? Черт! Между тем это вещь необходимая. Видишь

Paris, vois-tu, il vaudrait mieux n'avoir pas de lit que pas d'habit.

Puis, tout à coup, fouillant dans la poche de son gilet, il en tira une pincée d'or, prit deux louis, les posa devant son ancien camarade, et, d'un ton cordial et familier:

— Tu me rendras ça quand tu pourras. Loue ou achète au mois, en donnant un acompte, les vêtements qu'il te faut ; enfin arrange-toi, mais viens dîner à la maison, demain, sept heures et demie, 17, rue Fontaine.

Duroy, troublé, ramassait l'argent en balbutiant:

— Tu es trop aimable, je te remercie bien, sois certain que je n'oublierai pas...

L'autre l'interrompit:

— Allons, c'est bon. Encore un bock, n'est-ce pas?

— Et il cria: «Garçon, deux bocks!»

Puis, quand ils les eurent bus, le journaliste demanda:

— Veux-tu flâner un peu, pendant une heure?

— Mais certainement.

Et ils se remirent en marche vers la Madeleine.

— Qu'est-ce que nous ferions bien? demanda Forestier. On prétend qu'à Paris un flâneur peut toujours s'occuper ; ça n'est pas vrai. Moi, quand je veux flâner, le soir, je ne sais jamais où aller. Un tour au Bois n'est amusant qu'avec une femme, et on n'en a pas toujours une sous la main ; les cafés-concerts peuvent distraire mon pharmacien et son épouse, mais pas moi. Alors, quoi faire? Rien. Il devrait y avoir ici un jardin d'été, comme le parc Monceau, ouvert la nuit, où on entendrait de la très bonne musique en buvant des choses fraîches sous les arbres. Ce ne serait pas un lieu de plaisir, mais un lieu de flâne ; et on payerait cher pour entrer, afin d'attirer les jolies dames. On pourrait marcher

ли, в Париже скорее можно обойтись без ночлега, чем без фрака.

Потом вдруг, порывшись в кармане жилета, он достал кучку золота, взял два луидора, положил их перед своим бывшим сослуживцем и сказал дружелюбно и просто:

— Ты мне вернешь это, когда сможешь. Возьми напрокат или купи необходимое тебе платье в рассрочку, на выплату; словом, сделай, что тебе нужно, и приходи обедать завтра, в половине восьмого, 17, улица Фонтен.

Дюруа, растроганный, спрятал деньги, бормоча:

— Ты слишком добр, я тебе страшно благодарен, будь уверен, что не забуду...

Друг прервал его:

— Довольно, не стоит. Еще по бокалу, не правда ли? — И закричал: — Гарсон, два бокала!

Когда бокалы были выпиты, журналист предложил:

— Хочешь еще пошататься часок?

— Ну конечно.

Они пошли по направлению к церкви Мадлен.

— Что бы нам предпринять? — сказал Форестье. — Говорят, что в Париже у фланера всегда есть цель; это неверно. Я, когда гуляю вечером, никогда не знаю, куда пойти. В Булонский лес стоит ехать только с женщиной, да не всегда есть такая под рукой; кафе-концерты могут забавлять моего аптекаря и его супругу, но не меня. В таком случае, что делать? — нечего. Здесь должны бы устроить зимний сад, вроде парка Монсо, который был бы открыт всю ночь, где бы можно было слушать хорошую музыку и пить прохладительные в тени деревьев. Это не было бы увеселительным местом, но местом гуляния; за вход брали бы дорого,

dans des allées bien sablées, éclairées à la lumière électrique, et s'asseoir quand on voudrait pour écouter la musique de près ou de loin. Nous avons eu à peu près ça autrefois chez Musard, mais avec un goût de bastringue et trop d'airs de danse, pas assez d'étendue, pas assez d'ombre, pas assez de sombre. Il faudrait un très beau jardin, très vaste. Ce serait charmant. Où veux-tu aller?

Duroy, perplexe, ne savait que dire ; enfin, il se décida :

— Je ne connais pas les Folies-Bergère. J'y ferais volontiers un tour.

Son compagnon s'écria :

— Les Folies-Bergère, bigre ? nous y cuirons comme dans une rôtissoire. Enfin, soit, c'est toujours drôle.

Et ils pivotèrent sur leurs talons pour gagner la rue du Faubourg-Montmartre.

La façade illuminée de l'établissement jetait une grande lueur dans les quatre rues qui se joignent devant elle. Une file de fiacres attendait la sortie.

Forestier entra, Duroy l'arrêta :

— Nous oublions de passer au guichet. L'autre répondit d'un ton important :

— Avec moi on ne paye pas.

Quand il s'approcha du contrôle, les trois contrôleurs le saluèrent. Celui du milieu lui tendit la main. Le journaliste demanda :

— Avez-vous une bonne loge ?

— Mais, certainement, monsieur Forestier.

Il prit le coupon qu'on lui tendait, poussa la porte matelassée, à battants garnis de cuir, et ils se trouvèrent dans la salle.

Une vapeur de tabac voilait un peu, comme un très fin brouillard, les parties lointaines, la scène et l'autre côté du théâtre. Et s'élevant sans cesse, en

чтобы привлечь эlegantных дам. Гуляли бы по усыпанным песком аллеям, освещенным электричеством, сидели бы и слушали музыку по желанию — издали и вблизи. Когда-то существовало нечто подобное у Мюзара, но со слишком кабацким привкусом, — недостаточно элегантно, недостаточно прилично, недостаточно серьезно. Нужен очень хороший, очень большой сад. Это было бы восхитительно. Куда ты хочешь пойти ?

Дюруа в смущении не знал, что ответить ; наконец решился :

— Я никогда не был в Фоли-Бержер. Охотно зашел бы туда...

Его спутник воскликнул :

— Фоли-Бержер ? Черт ! Нас там будут поджаривать, точно на жаровне. Впрочем, пусть ; там все-таки забавно.

И они повернули по направлению к улице Фобур-Монмартр.

Ярко иллюминированный фасад здания бросал светлый отблеск на четыре прилегающие к нему улицы. Целая вереница извозчиков дожидалась разезда.

Форестье вошел, Дюруа остановился :

— Мы забыли подойти к кассе.

Но Форестье ответил импонирующим тоном :

— Со мною никогда не платят.

У контроля трое, проверявших билеты, поклонились Форестье. Стоявший в середине протянул ему руку.

Журналист спросил :

— Есть хорошая ложа ?

— Разумеется, господин Форестье.

Он взял поданный купон, толкнул дверь, обитую кожей, и они очутились в зале.

Табачный дым окутывал, словно легкий туман, отдаленные части сцены и другую сторону театра. Беспрерывно поднимаясь бесчисленными

minces filets blanchâtres, de tous les cigares et de toutes les cigarettes que fumaient tous ces gens, cette brume légère montait toujours, s'accumulait au plafond, et formait, sous le large dôme, autour du lustre, au-dessus de la galerie du premier chargée de spectateurs, un ciel ennuagé de fumée.

Dans le vaste corridor d'entrée qui mène à la promenade circulaire, où rôde la tribu parée des filles, mêlée à la foule sombre des hommes, un groupe de femmes attendait les arrivants devant un des trois comptoirs où trônaient, fardées et défraîchies, trois marchandes de boissons et d'amour.

Les hautes glaces, derrière elles, reflétaient leurs dos et les visages des passants.

Forestier ouvrait les groupes, avançait vite, en homme qui a droit à la considération.

Il s'approcha d'une ouvreuse:

— La loge dix-sept? dit-il.

— Par ici, monsieur.

Et on les enferma dans une petite boîte en bois, découverte, tapissée de rouge, et qui contenait quatre chaises de même couleur, si rapprochées qu'on pouvait à peine se glisser entre elles. Les deux amis s'assirent; et, à droite comme à gauche, suivant une longue ligne arrondie aboutissant à la scène par les deux bouts, une suite de cases semblables contenait des gens assis également et dont on ne voyait que la tête et la poitrine.

Sur la scène, trois jeunes hommes en maillot collant, un grand, un moyen, un petit, faisaient, tour à tour, des exercices sur un trapèze.

Le grand s'avavançait d'abord, à pas courts et rapides, en souriant, et saluait avec un mouvement de la main comme pour envoyer un baiser.

On voyait, sous le maillot, se dessiner les muscles des bras et des jambes; il gonflait sa poitrine pour dissimuler

беловатыми струйками от всех сигар и сигареток, которые курили все эти люди, этот легкий туман все увеличивался, подымался к потолку и образовывал под широким куполом вокруг люстры, над головами зрителей первого яруса, облако дыма.

В широком коридоре, идущем от входа кругом залы, где бродят разряженные толпы профессионалок вперемежку с темными силуэтами мужчин, группа женщин поджидала входящих перед одним из трех прилавков, где восседали три продавщицы напитков и любви, намазанные и несвежие. Позади них зеркала до потолка отражали их спины и лица проходящих.

Форестье быстро шел всем навстречу с видом человека, имеющего право на внимание.

Подошел к капельдинерше:

— Ложа 17? — спросил он.

— Здесь, сударь.

И они очутились в маленькой деревянной клетке, задрапированной красным, где стояли четыре стула того же цвета так близко друг от друга, что едва можно было протиснуться между ними. Друзья уселись; направо и налево от них тянулся длинный, прилегающий с обоих концов к сцене ряд одинаковых клеток с сидящими людьми, у которых виднелись только головы да плечи.

На сцене трое юношей в трико, высокий, средний и маленький, выделяли поочередно фокусы на трапеции. Высокий сначала шел быстрыми мелкими шагами, улыбаясь и посылая рукой приветствия, точно поцелуи.

Под трико вырисовывались мускулы его рук и ног; он выпячивал грудь, чтобы уменьшить размеры выс-

